

**Биткеев П.Ц. Калмыцкий язык
за 400 лет. — Элиста:
Джангар, 2009. — 192 с.¹**

В 2009 г. широко отмечался 400-летний юбилей добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Здесь, на нижней Волге, сформировалась новая этническая общность монголов — калмыки. На новой территории калмыцкий народ образовал собственную государственность, формы которой были разные: Калмыцкое ханство, Калмыцкая автономная область, Калмыцкая автономная советская социалистическая республика, Республика Калмыкия. Калмыки в составе России участвовали во всех исторических событиях: войнах (1812 г., первой мировой,

¹ Работа выполнена в рамках гранта Аналитической ведомственной целевой программы Рособрнауки РФ «Развитие научного потенциала Высшей школы (2009–2010 гг.)».

гражданской, Великой Отечественной), крестьянских восстаниях, революции, восстановлении страны после военной разрухи, освоении целины, испытали горечь депортации и геноцида. События 400-летней истории, особенности бытования на новой территории сформировали калмыцкую ментальность. В менталитете современных калмыков присутствуют монгольские, калмыцкие, восточные, западные элементы, которые формируют сложное мироощущение европейских азиатов, говорящих на русском языке, исповедующих буддизм.

Безусловно, вхождение ойратских племен в состав России было важным историческим событием в судьбе всех монголов. В разные исторические периоды постепенно в результате взаимодействия различных исторических и политических событий в Евразийском пространстве сформировались районы компактного проживания монголоязычных народов в пределах трех великих государств: России (буряты, калмыки), Монголии (халха, ойраты), Китая (монголоязычные племена в Синцзянь-Уйгурском автономном районе, Автономном районе Внутренняя Монголия и др. регионах КНР). Дальнейшее развитие этносов и всех элементов их духовной и материальной культуры происходит в пределах данных государств под влиянием интра- и экстралингвистических факторов, сформировавших основные черты современных национальных монгольских языков — халха-монгольского, бурятского, калмыцкого. Что касается монгольских наречий Китая, то, как отмечается в специальной литературе, общий национальный язык в данном регионе не сложился; описаны наречия отдельных племен (см. работы Б.Х. Тодаевой). При этом литературным ориентиром для данного региона остается письменный монгольский язык.

Большой научный интерес представляет вопрос самобытности каждого из национальных монгольских языков: какое развитие получили в них общемонгольские языковые черты, какие инновации регистрируются в языковых системах, каковы тенденции дальнейшего развития структуры этих

языков и т. д. Под таким углом зрения написана монография известного в нашей стране ученого-монголоведа проф. Калмыцкого государственного университета Петра Цеденовича Биткеева, вышедшая в юбилейном 2009 г.

Отметим новизну подхода к освещению калмыцкого языка, характерного для рецензируемой работы: до сих пор в существующих научных трудах ставилась задача изучения строя современного калмыцкого языка, регистрации и исследования его единиц и свойств, но не было работ по диахронии калмыцкого языка.

Книга П.Ц. Биткеева хорошо структурирована: состоит из введения, 4 глав, заключения, библиографии. Все композиционные части монографии направлены на освещение конкретных вопросов.

Во введении представлен обзор основных изменений, которые произошли в калмыцком языке за 400-летний период изолированного развития и формируют национально-специфический корпус языковых черт, а также письменных систем, которые были распространены среди монголов.

В первой главе «Фонетические и фонологические изменения, произошедшие в калмыцком языке» прослеживается становление вокализма современного калмыцкого языка, который характеризуется наличием трех категорий гласных: долгих гласных, гласных полного образования и неясных гласных. В целом, следует отметить, что фонетический строй калмыцкого языка изучен монголистами достаточно хорошо: описан состав фонем, их реализация в речи, определены интегральные и дифференциальные признаки, акустико-артикуляционные характеристики изучены с применением разнообразных экспериментально-фонетических методов. Уместно отметить то, что большой вклад в освещение звукового строя калмыцкого языка внес автор рецензируемой монографии, ученик известной в нашей стране Ленинградской фонологической школы, посвятив данному аспекту свои диссертационные исследования, серии научных статей и монографии.

В данной главе последовательно показано, что исторические изменения в области вокализма сводятся к монофтонгизации дифтонгов, редукции гласных («краткие гласные в непервых слогах, долгие гласные в односложных словах и в абсолютном конце слова редуцировались»), образованию новых гласных фонем (долгих и кратких гласных переднего ряда нижнего подъема). В основе этих фонетических модификаций вокалической системы лежит редуция — фонетическая разновидность общего закона сохранения энергии и стремление к удобству произнесения. Логично было бы исследовать и те изменения, которые произошли в области консонантизма. К сожалению, специально этому автор внимание не уделяет, хотя отдельные наблюдения в книге приводятся (с. 19–21). Требуется комментарий заключение автора о том, что «консонантизм калмыцкого языка гораздо в большей степени, чем вокализм, сохранил состав фонем и фонологические отношения» (с. 19).

Во второй главе «Сингармонизм» представлены чрезвычайно интересные размышления автора о типах гармонии гласных в калмыцком языке. Глава изобилует новыми идеями, в ней представлен нетрадиционный подход к осмыслению сингармонизма, что является результатом изучения тенденций развития калмыцкого языка за последние 400 лет. Так, автор излагает свой взгляд на понимание природы палатальной гармонии: в калмыцком языке «сингармонизм строится не по качеству гласного первого слога слова, а по уровню формантной структуры всего слова». На наш взгляд, формантная структура и формирует качества гласного, а следовательно, и палатальный тип гармонии. Новизна есть в идеи ученого о том, что в калмыцком языке сформировался особый тип гармонии гласных – «сингармонизм по признаку ширины раствора ротовой полости при образовании гласных непервых слогов». Эту разновидность сингармонизма ученый называет «компактным сингармонизмом». Представленные во 2 главе интересные заключения относительно фонетической природы

и механизма реализации сингармонизма в многосложном калмыцком слове, организованном агглютинативным способом, весьма ценны, поскольку до этого не было специальных исследований этой важной фонетической характеристики калмыцкого языка. Проф. П.Ц. Биткеев отмечает, что «языковые единицы подверглись во многих случаях изменениям под влиянием сингармонической трансформации слов, а в отдельных случаях — и перелома гласного *й*». На наш взгляд, говоря о таком специфическом явлении, как гармония гласных, необходимо учитывать функцию сингармонизма в языке. Еще И.А. Бодуэн де Куртенэ писал о «цементирующей функции сингармонизма». В связи с тем что в калмыцком языке, как пишет П.Ц. Биткеев, отмечается тенденция «сокращения количества слогов в слове», можно было бы изучить и функциональную сторону сингармонизма.

Третья глава «Фономорфологические, лексические модификации, произошедшие в калмыцком языке» посвящена анализу разнообразных лексических изменений, морфологических сращений, редукции послелогов, частиц, аффиксальных морфем. Здесь автор на основе ряда интересных примеров рассматривает аффиксы (порядковых числительных, лично-притяжательные, направительного падежа *-ур*) и грамматические формы (направительный падеж), которые формируют самобытные черты калмыцкого языка. Автор демонстрирует широкую эрудицию в области исторической морфологии, грамматики и лексики старописьменного монгольского языка и современных монгольских языков. К сожалению, лексические новации калмыцкого языка рассмотрены в разделе не системно, а фрагментарно: автор анализирует отдельные собственно калмыцкие слова, которые не отмечены в других монгольских языках (*саналдх, нуруздг, эрэмтэ, невчкн, юнгас*). Каждое из слов автор подвергает скрупулезному этимологическому, лексико-семантическому анализу и приходит к выводу, что слова образованы из сочетаний слов в результате сращений и редукции; при этом обогащается семантика слов, в некото-

рых случаях развивается новое значение, противоположное исходному. Конечно, в идеале хотелось бы знать, насколько обогатился лексический фонд калмыцкого языка за 400 лет, какие семантические изменения произошли в лексической системе, как отразились в лексике произошедшие за 400 лет общественно-политические события, смена среды обитания и способа жизни носителей языка, которые коренным образом изменили традиционную жизнь (калмыки предпочли кочевую жизнь оседлой, освоили новые формы хозяйственной деятельности, пережили коллективизацию, советизацию, депортацию, геноцид и т. д.). Думаю, что большое достоинство монографии П.Ц. Биткеева заключается в том, что ее чтение вызывает вопросы, а значит, открывает новые перспективы изучения темы.

В монографии, к сожалению, не затрагиваются синтаксические инновации, хотя именно в этой области языка заметно обновление: получили развитие сложные предложения подчинительного типа, образовались подчинительные союзы и т. д. Несомненно, что синтаксические изменения вызваны все большим усложнением мышления современного человека.

Четвертая глава «Традиции письменной культуры калмыцкого народа» посвящена письменности монголов. Приводятся сведения о киданьском письме, общемонгольской письменности, Тодо бичиг, квадратной письменности, письменности Али-гали, Соембо, Вагиндры, калмыцкой письменности XX в. Как известно, калмыки, будучи частью монгольского мира, являются наследниками общего духовного богатства монголов. В связи с чем рассмотрение развития письменности у калмыков в таком ракурсе, по нашему мнению, справедливо. Проф. П.Ц. Биткеев является известным пропагандистом богатого духовного наследия калмыцкого народа: он часто выступает с докладами на эту тему в разной аудитории, известны его публикации по проблемам письменности, графики и орфографии. Информация, представленная в данной главе, весьма разнообразна, исчерпывающа, и, думаю, будет интересна широкой аудитории.

В заключении подводятся итоги исследования. Основную мысль автора можно свести к следующему утверждению: калмыцкий язык сохраняет основные черты, позволяющие относить его к монгольским по происхождению, агглютинативным по морфологическому строю языкам. При этом степень расхождения с родственными языками определяется экстралингвистическими причинами: изолированным развитием на протяжении последних 400 лет в иноязычном окружении, изменившимися историко-культурными обстоятельствами жизни этноса.

Работа проф. П.Ц. Биткеева отражает авторское осмысление развития калмыцкого языка за 400-летний период, с момента вхождения калмыков в состав России до настоящего времени. Такой подход к объекту до него еще никто из исследователей не предпринимал. Лингвисты получили интересный труд, содержащий языковые факты и интерпретацию их с позиций современной лингвистики. Она в определенной степени отражает современный уровень калмыцкого языкознания. В книге весьма уместны цитаты: автор ссылается на труды классиков, известных предшественников (А.Д. Руднева, Б.Я. Владимирцова, Г. Рамстедта, В.Л. Котвича и др.), а также современников (А.Ш. Кичикова, Н.С. Яхонтовой, С.Л. Чарекова и др.). Работа выиграла бы, если были бы использованы и труды известных исследователей в области морфологии (Р.П. Харчевниковой), словообразования (Д.А. Сусеевой), лексикологии (ЭЧ. Бардаева, М.У. Монраева), синтаксиса (Г.Ц. Пюрбеева, В.Н. Мушаева), фонетики (Д.А. Павлова). Безусловно то, что последователи, основываясь на данной работе проф. П.Ц. Биткеева, могут создавать новые концепции и труды.

Есенова Т.С.

Есенова Тамара Саранговна
Калмыцкий государственный университет
esenov_ts@kalmsu.ru